

ГЕОРГИЙ БАЛЛ

Б-20

СОЛНЕЧНОЕ ЗЁРНЫШКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКИЙ МИР»
МОСКВА-1960

МБС
44 К/Х
56399
056399

ГЕОРГИЙ БАЛЛ

СОЛНЕЧНОЕ ЗЁРНЫШКО

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

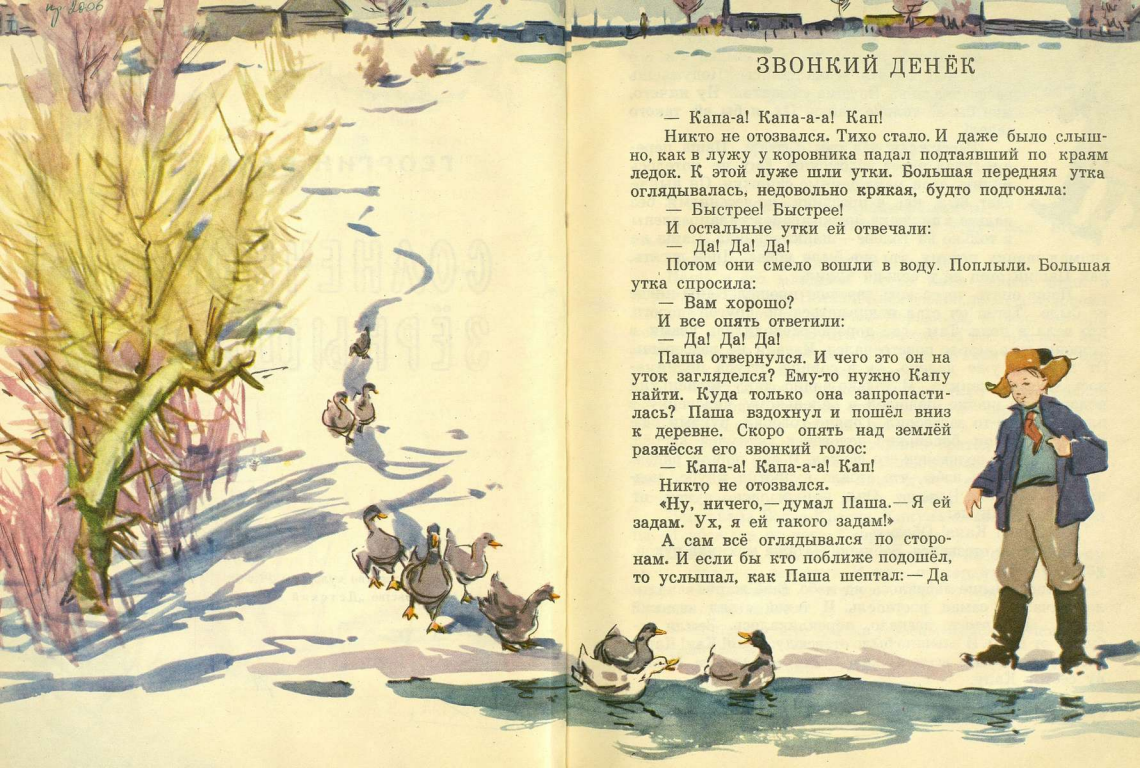
Ленинградского района
г. МОСКВА

Министерство культуры РСФСР
Издательство „Детский мир“ 1960

ЧИТАЛЫН

70

ЗВОНКИЙ ДЕНЁК

— Капа-а! Капа-а-а! Кап!

Никто не отзывался. Тихо стало. И даже было слышно, как в лужу у коровника падал подтаявший по краям ледок. К этой луже шли утки. Большая передняя утка оглядывалась, недовольно крикая, будто подгоняла:

— Быстрее! Быстрее!

И остальные утки ей отвечали:

— Да! Да! Да!

Потом они смело вошли в воду. Поплыли. Большая утка спросила:

— Вам хорошо?

И все опять ответили:

— Да! Да! Да!

Паша отвернулся. И чего это он на уток загляделся? Ему-то нужно Капу найти. Куда только она запропастилась? Паша вздохнул и пошёл вниз к деревне. Скоро опять над землёй разнёсся его звонкий голос:

— Капа-а! Капа-а-а! Кап!

Никто не отзывался.

«Ну, ничего, — думал Паша. — Я ей задам. Ух, я ей такого задам!»

А сам всё оглядывался по сторонам. И если бы кто поближе подошёл, то услышал, как Паша шептал: — Да

знай я, что там зёрна — разве я бы выбросил?! Просто думал, пустой ящик с землёй — и всё тут. И чего ей эти зёрна дались... Подумаешь расфыркалась... Из дома убежала... Ну ничего, мне бы её только найти. Ох, я бы ей такого задал!..

Рассуждая так сам с собой, Паша перепрыгивал через водомоины. Ему не хотелось мочить свои начищенные сапожки. Он нынче одет был, как в праздник, по-весеннему: без пальто, в пиджаке, брюки в сапожки заправлены и только на голове — шапка-ушанка. Паша не снимал шапку потому, что она была новая. Дней десять, как Пашин отец её в сельпо купил.

Паша опять через всю деревню прошёл. Капы нигде не было. Тогда он стал подниматься по другой дороге, что вела в поле. Там, где дорога расходилась усами в стороны, он с кем-то повстречался. Издали не разберёшь. От деревни уже далеко. Да и солнце оттуда поднималось, глаза слепило. И только видно так: чёрненький человечек в шапке подошёл к беленькому человечку в платке, о чём-то заговорил. Горячо говорил, руками размахивал. Потом беленький человечек двинулся вперёд, а чёрненький человечек его догнал. И они пошли рядом.

На крыльцо избы, что стояла напротив клуба, поднялась бабушка Наташа. Она прикрылась рукой от солнца, крикнула:

— Паша! Капа! Обедать.

Никто не отозвался. Бабушка Наташа махнула рукой, ушла в избу.

Солнце выше забралось на небо. Ещё жарче запылало. Началась самая ростепель. И такой стоял звонкий денёк... Всё что-то звенело, перекликалось. Земля набухла от воды. И слышно было отовсюду: «Кап! Кап! Кап!»

Чудно! Будто всем нужна, будто все искали Пашину сестру Капу.

ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ

К вечеру опять стало подмораживать.

Затянуло тонким ледком речку и ручейки. Всё застыло. Замолчало.

И только ветер гулял по деревне.

Паша и его младшая сестра Капа сидели дома, в кухне. Там бабушка Наташа разогревала пойло для коровы Нежной и её дочки, телочки Нежданки, и рассказывала ребятам про Весну. Будто одета она во всё красное: шапочка красная, пальтишко красное, рукавички красные и сапожки тоже красные, сафьяновые.

А в руках она держит лукошко. Идёт Весна-Красна лесом — ни одна ветка не шелохнётся, не скрипнет валежина, идёт полем — снежка не примнёт.

Вдруг налетел на неё старший братец — вьется, сердится. Сам он выше леса, да тоньше колоса. Руками машет на Весну-Красну, в лицо дует — не даёт ей ходу. Хочется ему одному по земле гулять.

Заплакала Весна-Красна. Кинула слезинками в братца. И убежала от него. Схоронилась.

Братец — за ней, ищет её, ищет. Да на себе по всему свету слезинки разносит. И хоть он сердится, шумит, а люди те слезинки чувствуют. Знают: недалеко Весна-Красна схоронилась.

— Бабушка, а зачем же у Весны-Красны лукошко? — спросила Капа.

— Там зёрнышки лежат.

— Зёрнышки?! Какие же они?

— Про то никто не знает. И никто тех зёрен не видел. А только пораскидает Весна-Красна зёрнышки из лукошка — всё кругом зелёным станет. Люди говорят: «Вот и Весна-Красна к нам пожаловала».

Бабушка заторопилась: скотину кормить пора. Перелила воду из чугунка в бадейку, понесла поило во двор.

Капа тоже сразу собираться стала. Надела пальтишко, повязала платок.

— Ты куда, Кап? — спросил Паша.

— Недалеко тут.

Паше очень хотелось показать, что ему вовсе и не интересно знать, куда это Капа направилась. Он презрительно свистнул и, взяв карандаш, принялся что-то рисовать. За окном проскрипели Капины сапожки. Потом стало тихо.

Паша взглянул в окно. Капы не было видно. Схватив с сундука ушанку и пальто, он бросился вслед за сестрой.

Паша нагнал её за деревней, около оврага. Они вместе спустились по скользкому его краю. По дну оврага уже не бежал ручей, под ногами трещал ломкий лёд.

С трудом ребята поднялись наверх и зашагали по дороге к косогору.

Здесь на них налетел ветер. Бросил в лицо липкие снежинки.

— Ишь, старший братец Весны-Красны рассердился, — засмеялся Паша.

Капа не ответила. Она надвинула платок на глаза, так что ей почти ничего не было видно, кроме кусочка скользкой дороги.

— Шагай за мной, — крикнул Паша.

Капа шла, низко наклонив голову, почти касаясь мокрой спины брата.

Не пущу-у! — закричал ветер.

Вдалеке на косогоре показался одинокий домик. В одном окне горел огонёк.

Это был очень приметный домик. Полетят ли птицы в поля — обязательно заглянут в сад, что разбит за домом. Пойдут ли летом женщины с ягодами из леса — присядут отдохнуть на скамейку напротив крыльца.

Скамейка эта дождями вымыта, солнцем прокалена, и сидеть на ней очень удобно.

А то подойдут к колодцу воды испить. На этот случай бадейка приготовлена да кружка рядом на сруб поставлена — пей кто хочет...

Подобрались ребята к домику, к самому окошку.

— Давай подсажу, — сказал Паша. — Ты за край бочки цепляйся. К стенке, к стенке прижимайся! А то как раз загремишь.

Капа уцепилась за наличник и прислонила лицо к стеклу.

— Ну чего там? — спросил Паша шёпотом.

Капа не ответила. Тогда Паша, тяжело посапывая, тоже полез на бочку. Он навалился на сестру сбоку, чуть не столкнул её.

— Тише! Эх ты, нескладный!

Паша хотел обидеться: ей-то близко, а ему вон куда тянуться надо, да ещё ухватиться не за что. Но тут он увидел, как в комнату вошёл худой высокий человек. Он внёс ящик с рассадой. Поставил его на пол рядом с другими такими же. И над каждым поднимались нежные зелёные побеги. Оттого весь пол между столом, табуреткой и стенкой с голубыми обоями стал казаться куточком живого зелёного луга.

«Ишь ты! Вот она где — Весна-Красна!» — подумал Паша.

— Сейчас зёрнышки достанет, — сказала Капа.

И правда, человек вытащил из стола несколько белых мешочков. Развязал один мешочек. Перевернул. На стол посыпались зёрнышки. Человек собрал их в кучку. А рядом высыпал зёрнышки из другого мешочка, из третьего... Зёрнышки были разные: круглые, заострённые, беловатые, жёлтые и даже коричневые.

— А где же то, волшебное? — шёпотом спросил Паша.

— Разве он его сюда принесёт? Сейчас его нельзя трогать, — также шёпотом ответила Капа.

— А почему?

— Не время. Он пока его в подвале держит, в сундуке.

— А ты что, видела?

— Не приставай. Раз говорю, значит знаю. А не веришь — нечего со мной тогда ходить. Я и без тебя бы дошла.

— Ладно, Кап, чего ты? Я ведь просто так спросил. Давай поступим к дяде Ларионичу.

— Нет. Завтра ты сам к нему сходишь.

— Почему же это я?

— А кто мои зёрна выбросил?

— Так ведь я не нарочно. Подумаешь, какие-то зёрна... Не пойду. И просить не буду, а то...

Паша не успел договорить, Капа прыгнула на землю. Её брат качнулся и стукнул головой в стекло.

В следующую минуту ребята уже бежали от дома вниз по дороге.

Агроном Василий Илларионович отёрнул занавеску и посмотрел в чёрный пустой сад. Никого не было.

Только ветер зло стучал.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

— Дядя Ларионыч! Дядя Ларионыч!—позвали у самого окошка. Потом в окне показалась чёрная шапка-ушанка, веснушчатое лицо паренька. На секунду лицо приплюснулось к стеклу. И вдруг исчезло.

На порог вышел Василий Илларионович. Поверх пиджака на нём был надет синий халат.

— Где ты, Паша?—спросил он.

— Ту-у-ут!— глухо откликнулось откуда-то снизу.

— Я тебя не вижу. Куда же ты запропал?

— Провалился-а-а!

Василий Илларионович подошёл к огромной бочке, что стояла у окна, и заглянул в её чёрное нутро.

— Мо-о-кро-о здесь!— жалобно гудело из бочки.

Василий Илларионович опустил в бочку руки и вытащил на свет Пашу.

— Экий ты, однако,— покачал головой Василий Илларионович.

Паша хмуро поглядел на свои сапожки, испачканные грязью.

Из-за кустов малины, что росли рядом с плетнём, кто-то насмешливо фыркнул.

— Вот бабушка тебе задаст «провалился». Ну, зачем пожаловал? — спросил Василий Илларионович.

— Я вот про что, — заспешил Паша. — Зёрен мне маленько отсыпьте.

— В прошлый раз я твоей сестре уже давал зёрен. Яровой пшеницы десять штук, восемь зёрен кукурузы, шесть зёрнышек ячменя. Куда же они подевались?

— Капа зёрна в ростà пустила, — затараторил Паша. — Она их по разным банкам распихала.

За кустами малины кто-то завозился. А Василий Илларионович будто ничего не заметил и говорит:

— Передай своей сестре, пусть зёрнышки в мокрую тряпочку завернёт, как я ей рассказывал. И неужели она ещё ни одного в землю не посадила?!

Паша ничего не ответил, насупился. Опять принялся рассматривать свои сапожки.

— Посадила! — раздался голос в кустах. — Да разве вы настоящие зёрнышки дадите?!

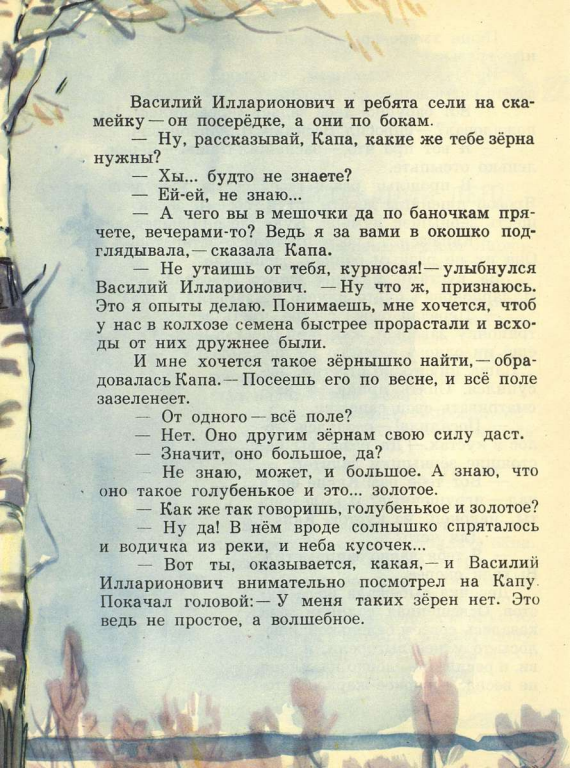
— Вот тебе раз! Какие же я дал — игрушечные? И вылезешь ты, наконец, из кустов, Капа?!

— Для чего?

— Я тебя давно заприметил. Выходи скорее.

Девочка выбежала из-за кустов. Освещённая солнцем, она казалась совсем беленькой: и волосы-то у неё выгорели, и брови, и реснички, словно на улице не весна, а жаркое-жаркое лето.

Василий Илларионович и ребята сели на скамейку — он посередке, а они по бокам.

— Ну, рассказывай, Капа, какие же тебе зёрна нужны?

— Хы... будто не знаете?

— Ей-ей, не знаю...

— А чего вы в мешочки да по баночкам прячете, вечерами-то? Ведь я за вами в окошко подглядывала, — сказала Капа.

— Не утаишь от тебя, курносая! — улыбнулся Василий Илларионович. — Ну что ж, признаюсь. Это я опыты делаю. Понимаешь, мне хочется, чтоб у нас в колхозе семена быстрее прорастали и всходы от них дружнее были.

И мне хочется такое зёрнышко найти, — обрадовалась Капа. — Посеешь его по весне, и всё поле зазеленеет.

— От одного — всё поле?

— Нет. Оно другим зёрнам свою силу даст.

— Значит, оно большое, да?

— Не знаю, может, и большое. А знаю, что оно такое голубенькое и это... золотое.

— Как же так говоришь, голубенькое и золотое?

— Ну да! В нём вроде солнышко спряталось и водичка из реки, и неба кусочек...

— Вот ты, оказывается, какая, — и Василий Илларионович внимательно посмотрел на Капу. Покачал головой: — У меня таких зёрен нет. Это ведь не простое, а волшебное.

— Нет, есть. Только вы боитесь дать. Думаете: «Загубят ребята». А мы не загубим. Мы бы его пуще глаза берегли! Правда, Паш?

Паша кивнул головой: ясное дело, такое зерно на ветер не бросишь.

Но тут открылось окно, и высунулась тётя Катя, помощница агронома. Платок у неё на голове от ветра сразу растрепался.

Она крикнула:

— Хватит вам, ребята, Василия Илларионовича до-
нимать... Ишь, повадились за зерном.

— Что вы, Катерина Ивановна, это хорошие ребята.

— Они думают, — засмеялась тётя Катя, — тут им мешок пшеницы отвесят. А бабушка дома пышек испечёт.

Капа вскочила со скамьи. Глянула сердито на тётю Катю и побежала вниз по дороге.

Паша замешкался, а потом пустился вдогонку за сестрой.

— Эх, зря вы, Катерина Ивановна, ребят обидели, — покачал головой Василий Илларионович.

— Да я что, пошутила просто. Тётя Катя закрыла окно.

Василий Илларионович ещё долго стоял около дома. Он смотрел, как шагали ребята по дороге.

Солнце, перевалив через косогор, уже светило со стороны деревни. И хорошо было видно, как из Карасёвской пади бил широкий поток. Летом текла там узенькая речушка, а сейчас она заливала часть поля.

Паша и Капа обходили его краем. Потом они спустились в овражек. Их не стало видно.

ГОСТЬ

У самого правления колхоза, в саду, раздалась песня зяблика. И пел он так: „Ди-ди-фи-чуи! Ди-ди-фи-чуи!“ По-зябликиному это значит: „Я всё вижу! Я всё вижу!“

Так заладил с утра до вечера. Удивляется народ, что там зяблик увидел. Послушали. А он как зальётся: „Фью-фью! Ля-ля! Фью-фью! Фи-чуи!“ И все поняли: ничего-то он особенного не видит, а просто радуется Весне и Солнцу.

И вот уж вышли на поля тракторы, от речки к ко-согору потянули за собой полные пшеничного зерна селянки. Но вдруг из-за леса налетел холодный сквозной ветер. Скрылось солнце, заволокло тучами небо. Зарядил дождь. Да такой злющий — и стучит, и стучит...

Весна словно отступила. Повяло холодом. На полях земля слиплась, не пробить её нежным росточкам пшеницы. Хоть всё сначала начинай.

Забот у взрослых прибавилось, да и у ребят их немало.

Бабушка Наташа послала Капу за ветеринаром:

— Скажи Ивану Тимофеевичу — беда. Телёнок, мол, заболел. Ест плохо.

Иван Тимофеевич осмотрел телёнка, послушал. Велел простоквашей кормить.

— Ничего, — обещал, — поправится. Только бы весна опять в силу вошла. А там и травку ему можно.

Весна-Красна... где она теперь от братца прячется? — подумала Капа. — А может её и нет совсем. И солнечного зёрнышка тоже нет.

Очень грустно стало Капе.

Однажды она только накормила телёнка да принялась граблями убирать во дворе, как услышала в сениях голос:

— Можно Капитолину Андреевну?

— Кого это? — откликнулась бабушка. — А-а! Сам Ларионыч пожаловал. Только у нас все в поле. Не приходили ещё.

— Мне бы внучку вашу увидеть.

— Капку-то? На что она тебе понадобилась?

— Поговорить, бабушка, с ней нужно.

— Поговорить?! Ох ты, беды. Телёнка она во дворе поит.

Капа услышала, побежала к лестнице, что вела с крытого двора в сени. Куры, забравшиеся на ступеньки, с шумом сорвались. Капа крикнула:

— Я сейчас!

Она забежала в комнату, накинула платок, надела пальтишко и, не застёгиваясь, — опять в сени.

— Зря, Капа, оделась, — сказал Василий Илларионович. — Далеко не пойдём.

Из чулана выглянул Паша. Он насаживал топор на топорнице. Так с топором и вышел. Спросил:

— Можно и мне?

— Ох, больно ты грозен, — усмехнулся Василий Илларионович. — Если топор положишь, то и тебе можно.

Паша грохнул топор на пол. Первым открыл дверь на крыльцо. Василий Илларионович и ребята подошли к плетню и там о чём-то долго шептались. Да так тихо, что ничего другим не услышать.

Проходила мимо тётя Домна. Глянула на ребят и агронома. крикнула:

— Ты, Ларионыч, рано нынче гащиваешь.

— Ох, Домна Михайловна, раннему гостю больше достанется! Да я не с пустыми руками — вот ребятам гостинца принёс, — и Василий Илларионович показал железную коробку изпод леденцов.

— Вы бы, дядя Ларионыч, в избу зашли. Бабушка бы чаем угостила. А то чего здесь стоять, — забеспокоилась Капа.

— Нет уж, спасибо, дел много. Как-нибудь в другой раз.

Василий Илларионович махнул ребятам рукой и зашагал своей ровной да скорой походкой, будто собрался в далёкую-далёкую дорогу.

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

31

Ленинского района
г. МОСКВА

ТАЙНА

С того дня появилась в деревне Тайна.

И на задворках в огороде, и на печке за занавеской, и в сарае за поленницей дров — всюду у ребят о ней речь шла. Друг дружке передавали:

— Слыхали, к Капе с Пашей дядя Ларионыч заходил. Кукурузных зёрен каких-то принёс, удивительных.

— Одно зерно, — поправлял Кирилка Крюков. — Большое, как яблоко. Оно у них в чулане лежит.

И каждый клялся, что сам, своими собственными глазами видел.

Беленькая девочка ходила теперь сияющая. И только смеялась, когда её про зерно спрашивали.

А Паша-то как загордился! Выпросил у отца кепку, придерживал её одной рукой, чтоб не сползала. Очень важничал. Про зерно отвечал так:

— Поглядим. Весна-то укрепится, а там и посеём. Дядя Ларионыч сказал, когда вишня зацветёт...

В доме, где поселилась Тайна, стали происходить удивительные вещи.

Ходила как-то бабушка Наташа за водой. Только поставила в сенях вёдра да коромысло, как слышит: скрип... скрип... тук... тук...

Что это? Бабушка осторожно подобралась к чулану, заглянула в темноту. Тишина.

„Почудилось“, — решила бабушка. Зашла в комнату, а из чулана опять: скрип... скрип... тук... тук... Да так громко.

„Поросёнок, наверно, забрался“, — подумала бабушка. Схватила веник — и в сени.

Вдруг дверь чулана со стуком распахнулась, и вышла кадка из-под капусты. Бабушка ахнула, веник уронила и скорее назад, в комнату.

А кадка как загрохочет по сеним, как затопает: об стенку ударилась. Примолкла. А кто-то в это время дверь хлопнул, с крыльца побежал!

Когда бабушка Наташа за ужином рассказывала про этот случай, брат с сестрой рассмеялись:

— Наверно, бабушка, тебе это показалось!

— Какой показалось! — обиделась бабушка. — Кадка-то так и сейчас в сених стоит.

В тот же вечер соседский Кирилка Крюков говорил ребятам, что чудное зерно лежит в кадке из-под капусты. Он точно знает. И оно огромное, как арбуз.

Между тем, Весна-Красна силы набралась, прятаться перестала. Весело и вольно прошла она по горам да полям, по всей земле.

Покорился ей старший братец Ветер, за добрые дела принялся: прогнал с неба серые тучи. Засияло солнышко.

И вот ранним-ранним утром дом на косогоре был разбужен стуком.

Кто-то постучал в окно пристроечки рядом с лабораторией. И звонкий голос позвал:

— Дядя Ларионыч! Дядя Ларионыч!

— Что тебе, Паша? — спросил Василий Илларионович, вскакивая с постели.

— Расцвела!

— Что?

— Вишня расцвела.

Василий Илларионович открыл окно. В лёгком тумане к окну из сада тянулись усыпанные белым цветом, точно первым снегом, ветки вишни.

— Хорошо как! — вздохнул Василий Илларионович.

— Да, хорошо! — не понял Паша и поспешно добавил: — Надо Капе сказать. Она ещё не знает.

РАСТИ, РАСТИ, ЗЁРНЫШКО!

На поле в Карасёвской пади выполз трактор «Беларусь». Двое колхозников захопотали около него, прилаживая сеялку. А сам бригадир Степан Кузьмич следил, как растягивалась проволока с железными узелками.

Степан Кузьмич торопился: «Скорей бы с кукурузой отсеяться. И так весна задержала».

Оглянулся: на поле ребятишек полно — и Паша с сестрёнкой Капой, и сын тракториста Кирилка Крюков, и Маняша, и маленький Федюня, и Митя с Любой — да всех и не перечесть.

— А вы зачем, пострелята? Чего вам дома не спится?

— Привыкают с малолетства, — улыбаясь, ответил Василий Илларионович, шагавший вместе с ребятами.

Тут над полем загудело. Двинулся трактор, потянул за собой сеялку.

— И нам пора, — сказал Василий Илларионович, — отойдём в сторонку.

Ребята окружили агронома, и он стоял, точно великан какой.

Потом все отошли к старой ветле, что росла на краю поля.

— Раз! — крикнул Василий Илларионович и шагнул на взрыхлённую землю. Все повторили:

— Раз! — и шагнули следом.

— Два! — крикнул Василий Илларионович.

— Два! — как эхо, отозвались ребята.

— Три, четыре, пять, шесть — стоп!

Василий Илларионович остановился. Ребята сразу же опять собрались стайкой.

— Ну, Капа, доставай! — сказал он.

Капа достала из-за пазухи железную коробку из-под леденцов. Открыла её. Вынула белый платочек, завязанный узелком. Зубами развязала узелок. Вытряхнула что-то себе на ладонь.

Ребята наклонились и увидели: на Капиной ладошке лежало зёрнышко. Да такое, что невозможно глаз отвести: само зёрнышко маленькое, чуть-чуть розоватое. Ну, точно роса утром. А изнутри будто солнечный лучик сквозит. Удивительно.

— Оно дышит, — прошептала Капа.

Ребята передавали друг другу зёрнышко. Капа забеспокоилась:

„Как бы не помяли, не испортили!“

Маленький Федюня зажал в кулачке, приложил к уху. Послушал и мотнул головой:

— Оно здорово дышит!

— А теперь посадим его, — сказал Василий Илларионович: — Капа верит, что это солнечное зёрнышко другим зёрнам силу свою передаст и от него одного скоро поле зазеленеет.

И я тоже в это верю. Правда, я ещё ни разу в жизни не сеял таких зёрен. Ну как, попробуем?

— Попробуем! Попробуем! — зашумели ребята.

Василий Илларионович отковырнул чёрной стальной линейкой землю, примятую катком, и посадил зёрнышко в гнездо.

Отряхнув руки, сказал:

— По всем правилам: заделка на шесть сантиметров. Ну, ребятки, вам забота — следите и ухаживайте. Да что за ним одним, за всем полем! Верно?

— Нет! — замотал головой маленький Федюня. — Я хочу его поддержать. Послушать, как зёрнышко дышит. Ребята засмеялись:

— Нельзя, Федюня. Теперь уж жди, как прорастёт. А Митя запрыгал и запел:

Расти, расти, зёрнышко,
Золотенька головушка,
Вырастай, вырастай!

Его сестрёнка Люба сейчас же подхватила тоненьким голоском:

Да зелёну шапочку
Подымай! Подымай!
Вот так! Вот так!
Да ещё побольше!

И Маняша, и Капа, и Паша, и маленький Федюня — все ребята запрыгали. Они поднимали вверх руки:

Вот так! Вот так!
Да ещё побольше!

Но выше всех получилось у дяди Ларионыча. Ведь он и был самым-самым большим.

Василий Илларионович попрощался с ребятами и зашагал на другой конец поля. Там уже трактор „Беларусь“ разворачивался для нового захода.

БЕЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ПЛАЧЕТ

Летают над полем жаворонки. Кружатся. Поднимутся вверх, крыльями затрепыхают — и зазвенит песня. Им сверху всё видно. А жаворонок — птица приметливая. Вот пришла на пашню беленькая девочка. И брови у неё выгорели, и волосики. Беленький платочек на шею сбился.

Жаворонки эту девочку хорошо знают. Постоит она, постоит. Землицу пощупает. Вздохнёт раз-другой и домой отправится. „Зачем она ходит? Зачем?“ удивляются жаворонки.

Раз пришла беленькая девочка. Поглядела: „Ох! Поле-то, поле-то всё зелёное!“ Обрадовалась девочка, в ладоши захлопала, засмеялась. „Чего она радуется? Чего?“ спрашивают друг у дружки жаворонки.

А девочка наклонилась к росткам, чтоб их ещё лучше разглядеть. И видит: у каждого росточка верхний зелёный листик трубочкой свёрнут. А та трубочка у самой земли обёрнута другим листиком — да таким крохотным, что сверху и не заметишь.

Потрогала девочка пальцем листик-малышку. Он и не шелохнётся. Твёрдый такой, с двумя жилками.

Посмотрела девочка на другой росточек — и там листик-малышка, и на третьем, и на четвёртом, и на пятом — всюду так.

Засмеялась девочка ещё звонче прежнего. А потом совсем низко наклонилась и шепнула:

— Спасибо тебе, солнечное зёрнышко. Значит, ты вправду волшебное.

Но уж очень тихо шепнула девочка. И хоть низко кружились жаворонки, а ничего не разобрали. А им, жа-

воронкам, любопытно было узнать: что это она росточкам говорила, чему радовалась?

Да как теперь Капе не радоваться? Ждала-ждала, пока зёрнышко себя покажет.

Грустно было ей глядеть на чёрное поле. Ох, грустно! Да тут ещё Кирилка сказал, мол, пошутил, наверно, Василий Илларионович. Зёрнышко уж очень маленькое. Надо бы побольше.

Всё это припомнила Капа. Махнула рукой зелёным росточкам и побежала домой...

Удивительное это дело, как в деревне быстро новости узнаются! И телефон-то один, в правлении, а и без него весточки от избы к избе летят:

— Слыхали, в Карасёвской пади кукуруза в рост пошла.

И от этой весточки стало сразу весело людям.

Только села Капа за стол обедать вместе с бабушкой и Пашей, а тут уж кричат под окном:

— Паша! Капа! Выходите!

Открыла бабушка окно, а на улице ребят полно. Зовут: Все в поле идём! Пусть, мол, Паша с Капой проворнее собираются.

Не стали внучата обедать. Из-за стола — и в сени.

— Ах, чтоб вас! Непоседы! Ну и пошла кукуруза в рост, а вам, чертенята, зачем! Какая вам забота!

Но ни Капа, ни Паша уже не слышали: бежали что есть духу вместе с другими ребятами в поле.

Вот и старая ветла. А за ней — поле в зелёных окошечках.

— Снизу! Снизу глядите. Там и листочек махонький. Это от него... от солнечного зёрнышка, — говорила Капа.

Паша наклонился и крикнул:

— Смотрите! Что это?

— Где?

— Да вон!

И тогда все увидели: в междурядьях валялся вырванный из земли зелёный росток. А рядом ещё один, а там ещё...

— Что это? Что? — прошептала Капа и заплакала.

Ребята стояли молча.

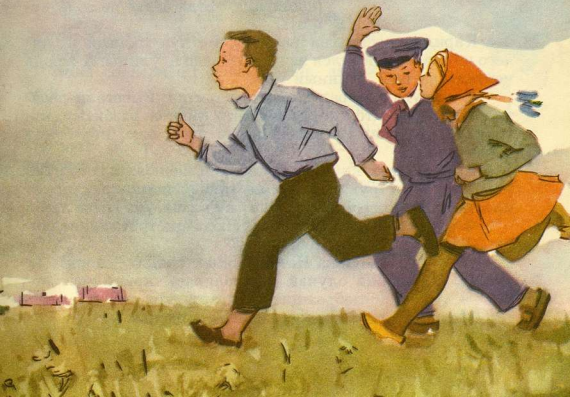
Жаворонки пониже спустились, поглядеть. Удивились: то беленькая девочка смеялась да веселилась, а то плачет. Разве поймёшь их, людей?!

Паша вдруг закричал:

— Это они! Они!

Посмотрели ребята, куда он пальцем показывал. Вдалеке по полю прыгали большие чёрные птицы.

Подскочит чёрная птица к росточку — дёрг! Вырвет его из земли, зёрнышко склюнет и дальше: прыг, прыг...

СТОРОЖА

Это что за шум, стадо с лугов уже гонят?

Да нет, рано — время не вышло. Солнце ещё не садилось. А пылища-то какая!

Шла женщина к колодцу. Несла ведра на коромысле. Вдруг хлопнула ведра наземь, бросила коромысло посреди дороги, да как закричит:

— Кирилка! Что ж ты делаешь, зверь босоногий! Зачем жердь схватил?!

Это мать Кирилки, Домна Михайловна. Той жердью она верёвку подпирала, когда бельё вешала сушить.

Кирилка посмотрел на мать, мотнул головой и, ничего не сказав, бросился из калитки вдоль улицы. А жердь чертила за ним длинный след.

И в других дворах хлопали калитки. Выбегали ребята. И каждый что-нибудь нёс: кто горшок разбитый, кто тряпку, кто старый валенок, кто кастрюлю, кто банку жестяную.

Крики. Смех кругом. Маленький Федюня на обе руки надел драные рукавицы, а на голову напялил старую-престарую шапку-ушанку. Она ему велика, на глаза лезет.

Федюня доволен. Хохочет. Люди смотрят, удивляются: „Куда это ребята собрались?“

Отворила бабушка Наташа окно, глядит — понять не может. На всякий случай рассердилась, крикнула:

— Ах вы, безобразники! С угару, что ли?!

Маленький Федюня услышал, обиделся:

— Ничего и не с угару! Мы работать побежали — грачей пугать.

Бабушка Наташа руками всплеснула: совсем рассердилась. И с размаху окно захлопнула...

Грачи — это и были те чёрные птицы, что тучей налетели на поле в Карасёвской пади и выдёргивали из земли зелёные росточки. Растерялись тогда ребята, увидав, как птицы на поле хозяйничают.

Только вдруг большой чёрный грач подлетел к тому месту, где солнечное зёрнышко посажено. Огляделся по сторонам и прыг, прыг... У Капы даже дыхание захватило.

Вытянул грачище длинный клюв и к ростку тянется, вот-вот схватит.

Вскочила Капа, руками замахала.

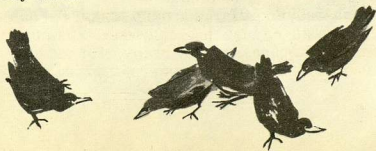
Грач скосил на неё чёрный глаз, головой мотнул: „Это ещё кто такая? Не мешай мне, девочка, лакомиться“.

Капа сорвала с головы платок, закричала:

— Не трогай! Не трогай зёрнышко!

Кирилка схватил ком земли, бросил в грача. И другие ребята опомнились, побежали по полю, грачей погнали: „Улетайте сюда, грачищи! Не для вас угощение!“

А тут как раз бригадир Степан Кузьмич случился.

Всё он видел и похвалил ребят.

— Спасибо, — говорит, — что грачей прогнали. В соседнем колхозе они с целого гектара кукурузу выклевали. Подсаживать пришлось. А теперь и за наше поле взялись.

— Мы не дадим, — сердито сказала Капа. Покраснела вся и за ребят спряталась.

— Ох, не спешите хвастать, — покачал головой Степан Кузьмич. — Дело трудное, целый день сторожить нужно.

— А мы и будем. Нам чего?! — загалдели все.

С того и началось. До вечера теперь в Карасёвской пади слышны ребячьи голоса. Звонят жестяные банки, гремят кастрюли. Такой шум да галдёж — близко подойти боязно.

По всему полю стоят страшилища: на головах горшки битые, белые тряпочки по бокам трепыхаются. А один великан страшнее страшного: шапка-ушанка набок съехала, здоровущий и рукавицами помахивает.

КАПА СПЕШИТ В ПОЛЕ

Ещё небо только забелело, а Капа соскочила с кровати. Заботы!

Капа надела старую стёганку и выбежала на улицу. Хлопал пастуший кнут. Скрипели калитки. Из тёмных закутов выходили коровы.

Капа свернула с дороги и пошла задами, через огороды, по маленькому лужку, к ржаному полю.

Ноги у неё сразу стали мокрыми. А Капе хоть бы что — шагает себе проворно.

Когда дошла до ржаного поля, солнице уж начало выкатываться из-за косогора. Побежали по земле светлые полосы. Вдруг у самой дороги, на краю поля, что-то блеснуло. Капа наклонилась и сорвала пушистую травку. По травке покатился сверкающий шарик и исчез.

— Зёрнышко! — тихо вскрикнула Капа. И на другой травке, и ещё рядом на беленьком цветке — всюду блестели росинки-зёрнышки. Капа чуть задевала стебельки, и зёрнышки, скатившись вниз, пропадали, будто их никогда и не было.

Капа огляделась. Над полем низко летело жёлтое облачко. Цвела рожь.

„Хорошее утро какое!“ — подумала Капа, и стало ей радостно, точно в первый раз в жизни она шагала по этой большой земле, точно всё ей было в новинку.

Но тут её охватила забота: „Что-то я замешкалась“, и она поспешила к Карасёвской пади.

Ещё издали Капа увидела кукурузное поле. И таким родным открылось ей оно, что бросилась она бежать туда со всех ног.

Кукуруза стояла вся в зелёных сочных листьях, каждое растение весело кивало, здравствуй, мол, беленькая девочка! Доброе утро!

— Здравствуйте, росточки мои! — прошептала Капа. — Какие вы большущие!

Она первая пришла на поле. Хозяйкой расхаживала. Приглядывалась: всё ли тут хорошо, всё ли в порядке. Выше поднялось солнце.

Распарилась земля. Ещё крепче закутался в голубой туман далёкий лес. Начался тёплый, хороший денёк.

* * *

А за ним пошли ещё лучшие. Всё раньше розовело небо в той стороне, где косогор. Всё жарче грело солнышко.

Кукуруза вымахала такая, что ребятам до верхушки и рукой не достать. Уж давно они не караулили в Карасёвской пади. Грачи не тревожили, помощниками стали: жуков вредных выклёвывали.

А кукуруза всё росла и росла. Листья у неё стали широкими, толстыми. Наверху очень важно раскачивалась жёлтая метёлка, а сбоку крупный, весь в зелёных листьях, початок. Красивая, стройная — залюбуешься.

Люди удивлялись: „Никогда у нас такого не было. С чего бы?“

И никто не знал, никто не догадывался, что всё пошло от маленького солнечного зёрнышка.

Цена 2 руб. 25 коп.
(с 1/1-61 г. 22 коп.)

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАЛЛ
СОЛНЕЧНОЕ ЗЁРНЫШКО

Рисунки *Владислава ФЁДОРОВА*

Редактор И. Н. ВАСИЧ. Художественный редактор Г. Г. КОПТЕЛОВА.
Технический редактор Л. Н. ВЛАСЕНКО.
Л122928. Подписано к печати 23/VIII-60 г. Формат 60х92/8. Печ. л. 4 (уч.-изд. л. 3,22.)
Тираж 100 000. Заказ 423. Изд. № 558.
Издательство «ДЕТСКИЙ МИР» Министерства культуры РСФСР
Москва, А-55, Бутырский вал, 68.

Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

